

та (*бандан ивазын*) и других национальных играх²⁸. Молодежь была и главным участником любимых осетинами скачек. Судили эти состязания обычно почтенные старики, хорошо знавшие все правила и бывшие некогда известными в селениях силачами, наездниками и т. п. Молодежи часто приходилось защищать свою спортивную честь не только на сельских и общешельских праздниках, но и на общесетинских торжествах, во время которых проводилось нечто «вроде олимпийских игр»²⁹.

В заключение следует отметить, что формы проведения досуга в общественном быту осетинского крестьянства в дореволюционный период не отличались особым разнообразием. Определенная дифференциация в этой сфере наблюдалась лишь применительно к разным половозрастным группам — формы проведения досуга у осетинской мужской молодежи были более разнообразными.

Досуг осетинского крестьянства в дореволюционный период имел и важные социальные функции. Это был не просто отдых. Встречи на ныхасе, в кунацкой, во дворах правлений, мечетей и т. п. способствовали активному взаимобмену различной информацией, опытом и знаниями. Указанные формы коллективного общения, способствуя передаче социального опыта последующим поколениям, играли важную роль в воспитании молодежи и усвоении ею кодекса осетинских обычаев (*ирон агьдаутта*).

Такие формы проведения досуга, важным элементом которых были пение и сказания стариков-сказителей, играли большую роль в сохранении и передаче устного народного творчества осетин. Многие из рассмотренных нами форм проведения досуга — участие в скачках, в состязаниях по национальным видам спорта и т. п. — выполняли важную задачу физического воспитания, которому в осетинском быту всегда придавалось большое значение.

Нельзя не отметить также, что формы досуга, характерные для общественного быта осетинского крестьянства к началу XX в., сохраняли традиционные черты. Это во многом способствовало сплочению сельской общины, регламентировавшей все стороны общественной жизни осетин.

²⁸ См. Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе: Ир, 1980.

²⁹ Пфаф В. Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии. — В кн.: Сб. сведений о Кавказе. В. 1. Тифлис, 1871, с. 142.

Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева

МУЗЕЙ И СТУДЕНТ

**(к 100-летию Музея археологии и этнографии
Сибири Томского университета)**

Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета был основан в 1882 г.¹ Его история отражена в архивных материалах, хронике², газетных и журнальных заметках и статьях разных лет. В основание фондов музея легли коллекции Тобольских древностей художника М. С. Знаменского, а также этнографические экспонаты главным образом по русскому населению, пожертвованные музеем В. М. Флоринским³. Из последующих поступлений наиболее крупными являются коллекции по североамериканским индейцам И. П. Кузнецова,

¹ В момент основания музей назывался «Археологический музей Томского университета».

² В 1923 г. была начата хроника музея. В ней отражены основные события, связанные с деятельностью музея до 1934 г.

³ См. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1. Томск: Изд-во гос. ун-та, 1979.

по тувинцам Г. П. Сафьянова (1888 г.), по хакасам А. В. Адрианова (1907 г.), предметы ламаистского культа, собранные А. Д. Весеневым (1908 г.), китайская коллекция, две шорские коллекции А. К. Иванова (1925—1932 г.). Есть в музее также коллекции по алтайцам, сибирским татарам, бурятам, кетам, хантам, эвенкам, народам Амурского края, Средней Азии и Казахстана, корейцам, японцам. Всего к середине 1970-х годов в музее насчитывалось 2364 этнографических экспоната по народам СССР и зарубежных стран. Эти экспонаты — лишь часть фондов, содержащих свыше 200 тыс. археологических, 330 исторических и свыше 3000 нумизматических экспонатов. Кроме того, в музее имеются этнографические рисунки и более 4000 фотографий, многие из них сделаны художниками или учеными Сибири и отражают традиционную культуру народов региона.

С конца 80-х годов XIX в. начинается археологическое и антропологическое изучение древнего населения Сибири. От А. В. Адрианова и С. К. Кузнецова в музей поступила часть археологических материалов из Томского могильника и могильника у Архиерейской заимки⁴, а от Н. Ф. Кашенко в 1896 г. — из первой открытой в Сибири Томской палеолитической стоянки⁵. Кроме того, был обследован ряд пунктов в окрестностях г. Томска⁶ и издан первый каталог музея⁷. Антропологические экспонаты поступали от С. М. Чугунова и В. М. Флоринского⁸. В результате в кабинете антропологии при музее была собрана большая краниологическая коллекция (свыше 2200 экспонатов) по древнему и современному коренному населению Сибири⁹.

За прошедшие 100 лет можно выделить два периода особой активности учебной и научной работы студентов в музее — это 1920—1930-е и 1950—1970-е годы.

С 1923 по 1934 г. музей носил название этнолого-археологического.

Как отмечено в «Хронике музея», до 20-х годов из-за отсутствия специалистов по археологии и этнографии он был «мертвым учреждением, попросту хранящим ценные материалы». В 1923 г. с назначением заведующим музеем доцента университета А. К. Иванова музей буквально ожил. В ноябре того же года была открыта выставка «Уголок Японии». Эта и последующие выставки — «Доисторическая жизнь Сибири» (1924 г.), костюмов сибирских народов и предметов культуры и быта индейцев (1924 г.) — способствовали активизации культурно-просветительской работы среди учащихся школ, студентов, широких слоев общества.

В этом же году на базе музея состоялось заседание студенческого кружка геологов и географов. Его председателем стал студент, сотрудник музея Л. М. Шорохов. Таким образом, было положено начало сотрудничеству музея и студентов. Сразу же был взят курс на широкое привлечение к этнографическим работам студентов — представителей коренных сибирских народов. Первое сообщение на заседании кружка было сделано студентом-алтайцем В. И. Тискинековым.

⁴ Отчет Археологической комиссии за 1896 г. Спб., 1898, с. 94—98.

⁵ Кашенко Н. Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска. — Изв. АН, 1896, т. 5, № 1; его же. О найденном в Томске мамонте, съеденном человеком. — Сибирский вестник, 1896, № 236; его же. К вопросу об одновременности существования человека и мамонта. — Тр. X Археологического съезда в Риге в 1896 г. Т. 1. М., 1896; Кузнецов С. К. Находка скелета мамонта со следами человека близ Томска. — Сибирский вестник, 1896, № 90.

⁶ Кузнецов С. К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, проведенных летом 1889 г. — Изв. Томского университета. Томск, 1890, кн. 2.

⁷ Археологический музей Томского университета. Томск, 1888; Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. Второе прибавление к каталогу Археологического музея. Томск, 1898.

⁸ Кузнецов С. К., Чугунов С. М. Случайная находка натуральной мумии в Томске — Сибирский вестник, 1889, №№ 104, 105; Флоринский В. М. Двадцать три черепа Томского Археологического музея. — Известия Томского университета. Кн. 2. Томск, 1890; Чугунов С. О натуральной мумии, найденной в г. Томске. — Изв. Томского университета. Кн. 2. Томск, 1890.

⁹ Краниологические коллекции кабинета антропологии Томского университета. Томск, 1979.

Начиная с 1924 г. студенты привлекаются к археологическим раскопкам и разбору коллекций. В 1924 г. они участвовали в раскопках и исследованиях могильника Тоянов городок под руководством заведующего музеем А. К. Иванова и сотрудника Русского музея М. П. Грязнова. В этом же году коллекции музея изучал студент Иркутского университета Г. Ф. Дебец.

В 1920—1930-е гг. при музее работал студенческий этнографический кружок. Его инициатором и руководителем был А. К. Иванов. Кружок, названный «туземным краеведческим», объединил около ста студентов—представителей различных народов, обучающихся в университете, практическом политехникуме, партшколе и технологическом институте. Основной целью его была подготовка к краеведческой работе. Студентам было прочитано несколько лекций по краеведению и сделано несколько сообщений об отдельных народах. Во время летних каникул члены кружка собирали этнографический материал среди своего народа по специально созданной программе и совершили экскурсию в одну из татарских деревень, расположенную в окрестностях г. Томска¹⁰.

Летом 1925 г. А. К. Иванов привез в музей крупную коллекцию предметов шорского быта, в разборе которой участвовали студенты-шорцы. В 1926 г. кружковцы вместе с научными сотрудниками музея подготовили и провели этнографический вечер, имевший большой успех. На вечере были прочитаны два научных доклада, исполнены национальные песни, показаны камлание шорского шамана и сцена из свадьбы «казак киргизов» — ввод невесты в юрту. Подобные вечера, проводившиеся также и в последующие годы, неизменно пользовались успехом. На одной из таких встреч кружковцы пели хакасские, шорские, ойротские и другие песни певице И. П. Яунзем, совершавшей турне по Сибири. Песни, записанные в музее, она позднее исполняла на своих концертах. Экспозиции, выставки и вечера привлекали в музей массу народа; так, с осени 1923 г. по октябрь 1926 г. в музее побывало около 90 тыс. человек.

В «Хронике музея» второй половины 20-х годов все чаще упоминается об участии в обработке этнографических и археологических фондов студентов разных факультетов — физико-математического (А. И. Школев, М. И. Козлов, И. И. Проскураков), медицинского (А. Л. Батутина), биологического (С. И. Чернышева) и др. Среди них были люди, известные уже тогда или ставшие известными позднее. Так, в записях 1926 г. упоминается о работе в кружке студента технологического института Каныша Сатпаева — в будущем известного ученого-геолога.

В начале 1930-х годов музей был превращен в студенческую аудиторию. Здесь проходили занятия по этнографии студентов-североведов географического отделения. В 1934 г. он был переименован в «Музей истории материальной культуры». Тогда же открылась новая экспозиция «От первобытного коммунизма к классовому обществу», в создании которой участвовали многие студенты (М. К. Грузинский, Г. Я. Роятник, А. М. Милюков и др.). Это была новая форма их участия в музейной работе. Студенты помогали также обновлять экспозицию музея в 1937—1939 гг.

В 1941 г. членам исторического кружка Томского университета, возглавляемого К. Э. Гриневичем, было поручено подготовить к выставке этнографические коллекции по осякам (хантам) и североамериканским индейцам и археологическую из Тувы. На одном из заседаний кружковцы выступили с содержательными докладами о подготовке коллекций.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны здание главного корпуса университета, где помещался музей, было отдано под завод. Коллекции были свернуты, деятельность музея в военные и первые послевоенные годы фактически прекратилась. Но новые коллекции продолжали поступать. В их сборе большую роль играли и студенты. В 1944—1946 гг. под руководством К. Э. Гриневича студенты университета и пединститута вели раскопки археологического памятника Басандайка у

¹⁰ Газ. Красное знамя, 1925, № 74; Советская Сибирь, 1925, № 124.

г. Томска, а затем организовали выставку, на которой были представлены результаты этих раскопок. (Немалую роль в их проведении сыграл археологический кружок университета.) Непременными участниками комплексных экспедиций археологов, этнографов, лингвистов, антропологов, организовывавшихся Томским университетом и пединститутом во второй половине 1940-х и в 1950-е годы, были студенты-историки¹¹. Общее руководство этими экспедициями осуществлял А. П. Дульзон, в проведении археологических работ ему помогал заведующий музеем Е. М. Пеняев. Студентами-антропологами руководил связанный с музеем еще с 1930 г. Н. С. Розов, занимавшийся вопросами антропологии коренного населения Приобья.

Одной из важных задач комплексной экспедиции было обучение студентов-историков методам полевой работы (среди студентов этих лет будущий исследователь древнего населения Среднего Приобья В. И. Матющенко). Благодаря большому вниманию к методике полевых исследований студенты, прошедшие практику, могли самостоятельно составлять локальные археологические карты¹², проводить рекогносцировочные работы, руководить раскопками памятников местного типа¹³, составлять полевые описи.

С 1953 г. археологические работы и руководство археологическим кружком продолжает В. И. Матющенко, назначенный заведующим музеем. В конце 1950-х и начале 1960-х годов среди студентов-историков возрождается интерес к этнографии, что является заслугой исследователя селькупов Г. И. Пелих. Под ее руководством вновь создается этнографический кружок. Студенты активно участвуют в этнографических экспедициях, работающих среди нарымских селькупов и хантов, татар и карагасов Томской области.

В связи с 75-летием музея студенты-археологи организовали открытое заседание кружка. Было подготовлено шесть докладов по археологическим, этнографическим и нумизматическим фондам музея, их использованию в научных исследованиях. В помещении музея была открыта выставка из материалов фондов (постоянной экспозиции в то время не было), подготовлен фотоальбом по истории кружка.

С 1961 г. с введением в учебные планы обязательной практики по этнографии и археологии все студенты исторического факультета стали участвовать в полевой работе. Кроме того, студенты-археологи побывали в нескольких экспедициях А. П. Окладникова, М. П. Грязнова, М. М. Герасимова, С. С. Черникова. Они работали на Ангаре, в Забайкалье, в Туве и Хакасии.

И в настоящее время деятельность археологического и этнографического кружков университета тесно связана с музеем, при котором имеется хорошо подобранная библиотека специальной литературы. Сюда студенты приходят не только тогда, когда необходимо обратиться к коллекциям, но и для чтения литературы, подготовки курсовых и дипломных работ. Здесь проходят заседания кружков и научные конференции, проводятся консультации научных руководителей.

В плане работы студенческих кружков наряду с докладами, обзором новой литературы предусмотрены практические занятия для археологов по изучению петрографии и антропологии, которые проводят сотрудники геолого-географического и биолого-почвенного факультетов университета¹⁴.

¹¹ Пеняев Е. М. Отчет о работе летом 1950 г. Чулымской археологической экспедиции Музея истории материальной культуры Томского госуниверситета им. В. В. Куйбышева.— Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского гос. университета, № 118, с. 2.

¹² Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма.— Сов. археология, 1950, XIII.

¹³ Пеняев Е. М. Указ. раб., с. 3.

¹⁴ Журнал работы научно-исследовательского студенческого кружка по археологии за 1957—1958 учебный год.— Архив музея археологии и этнографии Сибири, № 148.

Связь студентов с музеем еще более усилилась после создания в 1968 г. Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, куда музей вошел как составная часть под названием «Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета»¹⁵. Сотрудники лаборатории (этнографы и археологи) наряду с преподавателями кафедры истории СССР досоветского периода являются научными руководителями студенческих курсовых и дипломных работ, проводят практику со студентами — постоянными участниками их экспедиций. В 1964 г. с биолого-почвенного на исторический факультет были переданы коллекции антропологического кабинета, после чего занятия по антропологии со студентами-энтузиастами активизировались.

В 1968 г. была развернута новая экспозиция.

Студенты оказывают непосредственную помощь музею. Так, одной из основных задач их курсовых и дипломных работ, а также научных докладов на заседаниях кружка нередко является определение этнической принадлежности отдельных предметов этнографической коллекции. Внесли свой вклад студенты и в подготовку издания «Каталога этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета»¹⁶. Раздел «Ламаизм», например, написан А. Сагалаевым, бывшим в то время студентом университета. В ходе этнографической и археологической практики студенты нередко обрабатывают фонды музея или его архивы. Они участвуют и в художественном оформлении экспозиции, следят за ее техническим состоянием, проводят экскурсии по музею.

Ежегодно студенты выезжают в этнографические экспедиции и занимаются изучением культуры хантов, сибирских татар, хакасов, чулымских тюрков и русского населения Томской области. Наиболее подготовленные из них работают самостоятельно. В последние годы студенты-археологи участвуют в экспедициях по изучению древней истории населения бассейнов верхнего и среднего течения Оби и Томи, рек Чулыма, Тыма, Кети, Васюгана и Ваха, антропологи проводят свои работы среди тюркоязычного населения Юго-Западной Сибири. Полевые материалы продолжают поступать в архив музея и становятся источником для нынешних и будущих студенческих исследований.

Благодаря энтузиазму и терпеливому труду студентов Музей археологии и этнографии Сибири является в настоящее время крупным хранилищем материалов по истории как древнего, так и современного населения Западной Сибири. Накопленные материалы используются археологами, этнографами, лингвистами, фольклористами, историками, антропологами разных городов нашей страны.

---

¹⁵ См. об этом: *Лукина Н. В., Томилов Н. А.* О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета.— *Сов. этнография*, 1971, № 6.

¹⁶ См. рец. в этом номере журнала.

В. Е. Гусев

НА ОКРАИНЕ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Подлинный заповедник традиционной народной культуры, Полесье влечет к себе археологов, этнографов, фольклористов, лингвистов. Материалы, собранные здесь, легли в основу многих научных публикаций на белорусском, русском, украинском и польском языках. И все же, как ни значителен фонд изданных и архивных материалов, современная наука нуждается в новых исследованиях этого региона. Не случайно с большим размахом и по новой программе ведется работа по подготовке